

ГЛАВА 8

— Прочь! Прочь с дороги! — вопил кто-то истошно.

Торговка капустой еще издалека услышала этот надрывный крик, и не успела она опомниться, как мимо ее лотка, подобно стремительному вихрю, пронесся прихрамывающий ученый. Вид у него был донельзя жалкий и оборванный. Женщина только собралась выглянуть, чтобы посмотреть, что стряслось, как мимо уха пролетел молодой мужчина в чиновничьем облачении.

— Ой-ой, беда-то какая! Смотрите, он же с палкой! — ахнула торговка.

— Премьер-министр, пощадите! Пощадите-е-е! — голосил ученый.

Бежал он не так быстро, как Премьер-министр, зато ловко: нырял за каждый встречный прилавок, петлял, а стоило почуять неладное — вновь давал стрекача.

Стоило беглецу укрыться за лавкой с шелками, как палка Янь Шэня одним махом выбила его оттуда.

Спрятался за мясным прилавком — Премьер-министр едва не разрубил его пополам.

Вскоре каждый торговец начал истошно оберегать свое добро: стоило ученому пристроиться рядом, как его тут же выталкивали взащей. Оставалось только бежать без оглядки.

— А-а-а! Пощады! Пощадите, Премьер-министр! — Лу Силай бежал из последних сил, вопя так истошно, что завсегдагаи чайных и постоянных дворов высывались из окон вторых этажей. Люди тыкали пальцами и покатывались со смеху.

Премьер-министр гонится за ученым — экое зрелище! Сто лет такого не видывали! Местный сказитель и вовсе застыл с открытым ртом, решив про себя, что обязательно распишет эту историю в десяти частях и будет потчевать ею слушателей каждый день.

Лу Силай обливался потом. Где ему, хилому книжнику, тягаться с полным сил Янь Шэнем? Долго бегать не получилось: палка свистнула в воздухе, ударила под колени, и с коротким «ой» он повалился в пыль.

— Тц-тц... — по толпе в чайной пронесся гул. Зрители еще никогда не следили за представлением с таким азартом.

Янь Шэнь, тяжело дыша, остановился над поверженным врагом. Он оперся на палку и упер руки в бока, пытаясь унять колотье в груди. Немного придя в себя, он медленно подошел

ближе и наступил сапогом на спину Лу Силая, когда тот попытался было подняться.

— Кха... — Лу Силай, растеряв последние крупницы сил, распластался по земле.

Янь Шэню было плевать, в обмороке тот или нет. Он бесцеремонно перевернул его на спину.

— Лу Силай, ну и как теперь будешь выкручиваться?

С этими словами Янь Шэнь потянулся к его воротнику. В этот миг Лу Силай внезапно распахнул глаза и здоровой левой рукой намертво вцепился в собственную одежду. Янь Шэнь тут же прижал его руку к земле, отбросил палку и навалился сверху, снова пытаясь добраться до воротника.

И в ту же секунду над толпой раздался пронзительный и донельзя кокетливый возглас:

— Нет... Не надо-о-о!

Зрители на балконах чайных и кабаков разом замерли. Прошло несколько мгновений, прежде чем кто-то пришел в себя и двусмысленно повел бровями.

«А-а... Так вот оно что...»

Те, кто посметливее, принялись с понимающим видом шептаться с соседями. В Поднебесной мужские утехи не были чем-то из ряда вон выходящим.

Услышав нарастающий гул сплетен, Янь Шэнь побагровел от ярости и свирепо огляделся.

«Проклятье! Особые пристрастия?! Чтобы я, Янь Шэнь, польстился на этого замухрышку Линь Яньдуна?! Да они все ослепли, что ли?!»

Чжао Цзинжэнь, прибежавший было проверить, не убили ли бедолагу, прыснул от смеха. Зря он беспокоился — Лу Силай везде вывернется. Горько усмехнувшись над своей заботой, Князь Нинъян развернулся и, хохоча, зашагал прочь.

Пока Янь Шэнь пребывал в ступоре, «Линь Яньдун» с видом оскорбленной невинности отполз в сторону. Опустившись на колени, он дрожащими руками принялся развязывать пояс и запричитал так громко, чтобы слышал каждый:

— Премьер-министр! Раб... этот раб сам всё сделает!

— О-о-о! — толпа в едином порыве вытянула шеи, жадно ловя каждое движение, а Янь Шэня

едва не вывернуло наизнанку.

Сам не зная, чего больше — стыда или гнева, — он отвернулся и глухо рявкнул:

— Стой! Прекрати немедленно!

Стоило приказу прозвучать, как Лу Силай замер. С лица его мгновенно исчезла всякая скорбь.

— Ну, ты сам это сказал, — проворчал он, нахально затягивая пояс и отряхивая пыль с одежд.

Поднявшись на ноги с торжествующим видом, он заставил Янь Шэня почувствовать себя облапошенным. Впрочем, Премьер-министр быстро успокоился: пока этот проходимец в его поместье, он найдет время, чтобы раздеть его и рассмотреть всё до последнего шрама. С этой мыслью он подобрал палку и легонько огрел Лу Силая.

— Ой! — удар был несильным, но неожиданным. Лу Силай возмущенно подпрыгнул: — Ты чего?!

— В поместье! — отрезал Янь Шэнь с самым невозмутимым видом и снова замахнулся палкой.

«Черт бы его побрал. Я ему что, скотина какая-то, чтобы он меня палкой в загон гнал?» — бурчал Лу Силай, труся впереди и то и дело уворачиваясь от тычков.

Толпа провожала их взглядами: ученый прыгал, уворачивался и ругался, а Премьер-министр шел следом с палкой, словно пастух за заблудшей овцой. Люди недоумевали: как это пылкая страсть так быстро превратилась в выпас скота?

***

Поскольку дело касалось Премьер-министра, слухи по рынку ползли еще долго, обрастая самыми невероятными подробностями. Вскоре сплетни добрались и до высоких кабинетов, не обойдя стороной Восточный дворец.

Наследный принц слушал рассказ Ван Чэна, посмеиваясь и отставляя чашку с чаем.

— И как зовут этого управляющего?

— Говорят, Линь Яньдун, — ответил Ван Чэн. — Прежде на рынке картины продавал, из тех горе-ученых, что экзамены завалили.

— И как же он попал к Премьер-министру?

— Ха-ха... — Ван Чэн пересказал принцу все городские байки: и про то, как в поместье хватили всех подряд, и про ошибочное спасение в снегах. — В итоге Премьер-министр его не отпустил и заставил служить управляющим.

Чжао Иинь слушал с интересом, но в его улыбке таилась угроза. Шрам на лице почти зажил, оставив лишь бледную отметину, но обида в сердце не утихла.

Чжао Цзинжэнь, сидевший рядом, прекрасно понимал, кто был истинным виновником той ночной кутерьмы. Творить пакости не до конца, без размаха, но путано и нелепо — кто, кроме Лу Силая, на такое способен?

Понимать-то он понимал, но вслух не произнес ни слова. А вот Наследный принц, как ни странно, тоже начал подозревать управляющего из поместья Премьер-министра.

— Тайцзы, сейчас важнее всего вернуть расположение Императора, — произнес Чжао Цзинжэнь. После той ночи Его Величество отказывался принимать сына. — Если так пойдет и дальше, до указа о низложении — рукой подать.

Князь Нинъян не хотел, чтобы из-за проделок Лу Силая выгоду извлекли Янь Шэнь или Третий принц.

— Хм... — Чжао Иинь взглянул на дядю и улыбку сменил на серьезное выражение. — Вы правы, Сяошу. — Он подошел к озеру в саду. — Но отец не желает меня видеть... — Он помрачнел, обернулся к величественно сидящему в беседке дяде и прошептал: — Что же мне делать?

— Император в гневе, это пройдет, — уверенно улыбнулся Чжао Цзинжэнь. — Через три дня ступай к нему и проси прощения.

— Отец не примет меня, — вздохнул принц.

— Примет, — усмехнулся Князь. — Тебе нужно будет произнести всего четыре слова.

— Каких?

— Низложение Наследного принца.

— Что?! — Чжао Иинь не поверил своим ушам.

— В искусстве войны сказано: наступай, чтобы отступить; отпусти, чтобы поймать. Если позволишь навязать себе пассивную роль — проиграешь, — Чжао Цзинжэнь встал и подошел к озеру, обмахиваясь веером. — Даже если тебя действительно низложат, Император слишком подозрителен к Третьему принцу. Неужели он отдаст трон ему?

Он обернулся и строго добавил:

— Но, племянник, не трать время на поиски этого управляющего.

Принц вздрогнул. Обычно он во всем слушался дядю, но на этот раз не сдержался:

— Почему нет? Сейчас я не могу тронуть Янь Шэня, но какой-то жалкий слуга... Неужели я не смогу его прихлопнуть?!

Поняв, что упрямство принца не сломить, Чжао Цзинжэнь задумчиво отвернулся.

Янь Шэнь удерживает Лу Силая и не отпускает — это беспокоило его сильнее всего. Он знал, что Лу Силай живуч, как кошка, но видеть, как того ежедневно гоняют палками по всему поместью, было больно.

Помолчав, Чжао Цзинжэнь обернулся:

— Тайцзы, на самом деле и на Цзайсяна можно найти управу.

— Правда?! — оживился Иинь. — Стоит убрать Янь Шэня, и Хэ Юйху со своей кликой рассыплется. У Третьего брата есть войска, но без поддержки при дворе он — никто!

— Знаешь Министра юстиции Гуань Ваньхэ? Он давно враждует с Хэ Юйху. Человек он заурядный, но если умело им вертеть... может выйти толк. — Князь легонько коснулся веером плеча принца. — Оставь это дело мне. А с Его Величеством разберись сам.

Принц просиял и отвесил глубокий поклон:

— Благодарю, Сяошу!

На щеках его проступил легкий румянец. Чжао Цзинжэнь, словно не заметив этого, поспешил прочь — нужно было навести мосты в Министерстве юстиции.

— Сяошу... — позвал принц ему вдогонку.

Когда Князь остановился, Чжао Иинь почувствовал, как он краснеет. Ему было уже за двадцать, у него были наложницы, но перед этим мужчиной он всё еще робел, как мальчишка.

Пока принц колебался, издали послышался голос слуги: Императрица Лян в сопровождении служанок направлялась к беседке.

Вскоре она вошла под своды павильона. Завидев Чжао Цзинжэня, она приветливо улыбнулась:

— И Ванъе здесь.

Чжао Цзинжэнь был и дядей принца, и мужем ее племянницы — связи в императорской семье запутанны, но родственники по материнской линии всегда были ей ближе прочих.

— Матушка.

— Хм. У меня спешное дело, прошу прощения, — Чжао Цзинжэнь сложил веер, коротко поклонился и удалился.

Императрица Лян подошла к сыну, который всё еще смотрел вслед уходящему Князю, и увлекла его за стол.

— Сын мой, Император всё так же суров к тебе?

Чжао Иинь вспомнил о своем шатком положении и, подумав о «Линь Яньдуне», сердито нахмурился.

— Эх... — вздохнула Императрица. — Если бы ты лучше прилежал к наукам и этикету, разве попал бы в такую беду? Посмотри на того выскочку, сына благородной наложницы Цян... С виду — тише воды, ниже травы, а умища — палата! Весь в мать. Если бы не хитрость, разве выжил бы он, сирота, без связей и власти?

— Матушка-а... — капризно протянул принц.

Императрица Лян перестала ворчать и сменила тему:

— Государственный дядя сказывал, что, помимо того погрома в его поместье, ты еще и ученого какого-то избил?

— Он оскорбил дядю, назвал его по имени! — начал оправдываться принц.

— Брат рассказал мне совсем другое, — строго произнесла она. — Его зовут Шочжань, а ученый сказал: «Слава и истина не заменят бессмертия». Ты просто не смог ответить ему в поэтическом споре и сорвал злость.

Принц виновато заморгал, не зная, что возразить.

Императрица, увидев его растерянность, тут же смягчилась и ласково взяла его за руку:

— Сын мой, я тут кое-что придумала.

— Что именно?

— Ты ведь недавно выгнал наставника Чжана? Раз тот ученый так силен в словесности, почему бы не сделать наставником его? — Она улыбнулась, заметив, как принц остолбенел. Решив, что он против, она добавила: — Так ты и в этикете подтянешься, и прослывешь человеком широкой души. Разве плохо?

До Чжао Ииня не сразу дошел смысл ее слов. Он-то думал, что никогда не поквитается с тем наглецом, а тут... Как он сам до этого не додумался?! Он хищно улыбнулся.

— Хорошо! Просто замечательно!!

Императрица Лян не привыкла откладывать дела в долгий ящик. На следующий же день она выхлопотала у Императора указ, не забыв замолвить за сына словечко-другое.

Вопрос о назначении Линь Яньдуна наставником принца был решен — окончательно и бесповоротно.

<http://bllate.org/book/17426/1693112>